

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 20.

25 МАЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 33.

Въ 20-му № прилагаются: V-я книжка Собраніе театральныхъ піесъ; СОДЕРЖАНІЕ: Которая изъ двухъ? комедія въ одномъ дѣйствіи; Друзья на чердакѣ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи; Либретто къ оперѣ «Цыганка» и «Bouquet des mélodies» (попури) изъ любимыхъ мотивовъ оперы «Цыганка» Бальфа, составл. А. Петровымъ.

Содержаніе: Театральныя извѣстія. — Замѣчательные композиторы-фортепианисты (А. Контскаго). — Зигфридъ Вильгельмъ Денъ. (Некрологъ). — Портретъ Моцарта. — Музыка въ Соединенныхъ Штатахъ. — Раскаяніе Донъ-Жуана. — Переписка Шиллера со своею невѣстою. — Иностраннѣй вѣстникъ. — Музыкальныя извѣстія.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Спектакли еще продолжаютъ, и нельзя сказать чтобы публика не посѣщала ихъ, не смотря на ежедневное переселеніе Петербуржцевъ на дачи и въ деревни. Въ Большомъ Театрѣ давали два раза оперу «Русалка» — Даргомыжскаго, а 20 числа тамъ-же, шла въ 39-й разъ опера Флотова «Марта» и театръ былъ почти полонъ, вмѣсто дивертисмента былъ представленъ балетъ «Крестьянская свадьба», въ которой г-жа Кошева съ большимъ одушевленіемъ исполнила solo-мазурку. 22-го давали «Фене. лу. Въ Михайловскомъ Театрѣ, въ понедѣльникъ 19 мая, давали комедію «Свадьба Кречинскаго» Сухово-Кобылина, въ которой участвовалъ нашъ извѣстный московскій артистъ Садовскій. Объ исполненіи имъ, въ этой комедіи, роли Расплюева, говорено было въ прошедшемъ году. 21 числа мы видѣли г. Садовскаго въ роли Подколесина, въ комедіи Гоголя «Женитьба». Артистъ этотъ не нуждается въ похвалахъ, но нельзя пройти молчаніемъ спокойную и умную игру его. Онъ мимикъ

№ 20

необыкновенный, особенно понравился намъ его нѣмой разговоръ во 2-мъ дѣйствіи, когда онъ хочетъ что-то сказать и нерѣшается, хочетъ завести разговоръ съ невѣстою и не можетъ, и такъ сказать настраиваетъ лице свое, по которому видно что въ головѣ его блеснула какая-то мысль, но онъ находитъ ее неудобною, неловкою, задумывается и ищетъ другой мысли, наконецъ послѣ нѣсколькихъ словъ и потомъ долгаго молчанія, онъ начинаетъ улыбаться и рассказываетъ о неустрашимости русскаго человѣка, по поводу видѣннаго имъ красильщика. Также очень хорошо веденъ былъ разговоръ съ слугою въ началѣ комедіи. Вообще «Женитьба» сыграна была какъ имъ такъ и прочими артистами весьма хорошо и г. Садовскій былъ вызванъ нѣсколько разъ въ продолженіе и послѣ піесы.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ КОМПОЗИТОРЫ-ФОРТЕПИАНИСТЫ

ПРОШЕДШАГО И НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ И ВЛІЯНІЕ ИХЪ НА МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО.

Антонъ Контскаго.

VI.

Очень рѣдко случается, чтобы талантъ артиста неустарѣлъ, когда и онъ самъ подвигается въ лѣтахъ; по большей частію артисты переживаютъ свою славу, не будучи въ состояніи поддерживать ее до конца своей жизни, и слѣдовать за успѣхомъ искусства.

Но и тутъ встрѣчаются исключенія. Есть счастливые артисты, которыхъ талантъ до того могущественный и разнообразный, что имъ легко слѣдовать за новыми эффектами и усовершенствованіями механизма, какъ равно и новыхъ формъ композицій и пассажей.

Однимъ изъ такихъ избранныхъ артистовъ есть *Герцъ Герцъ*. Кто изъ любителей музыки не знаетъ *Герца*? Вся Европа, Азія, Африка, Америка, знаетъ и играетъ сочиненія этого композитора. Нѣтъ города, городка, городишка, де-

1

ревни, гдѣ бы хоть чего нибудь не играли изъ сочиненій Герца.

Ему очень много обязаны артисты и искусство вообще, потому, что если были до его времени славные композиторы и выше его какъ классики, то ни одинъ изъ нихъ не былъ столь граціозный и кокетливый въ своихъ сочиненіяхъ сколько *Генрихъ Герцъ*. До него всѣ композиторы сочиняли варіаціи на любимыя темы изъ оперъ, или на какую-нибудь мелодію, но эти варіаціи были сухи, скучны и почти всѣ сочинены на одинъ ладъ. Варіаціи *Герца* сдѣлали при своемъ появленіи въ музыкальномъ мірѣ настоящею фуроръ. Во всѣхъ гостиницахъ, во всѣхъ концертахъ начали играть варіаціи, которыя сдѣлали ему славу; т. е. варіаціи на любимый романсъ Карфа: «*La Violette*»,—продажа числа экземпляровъ этого сочиненія достигла въ 1840 году до 25,000 экземпляровъ въ одной Франціи, число баснословное, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ оно могло удвоиться, считая чужіе края, гдѣ это сочиненіе было перепечатано. Съ этого времени Герцъ сдѣлался любимцемъ парижскихъ аристократическихъ салоновъ, вслѣдствіе чего король французскій Карлъ X, пожаловалъ его своимъ придворнымъ фортепьянистомъ.

Но какъ же не восхищаться было піесами столько граціозными, сколько блестящими? Всѣ его сочиненія были расхвачены издателями, и такъ появились въ свѣтъ:

Варіаціи на мотивъ изъ оперы «*Joseph*».

«*Ma fanchette est charmante*» Варіаціи.

Варіаціи изъ «*Отелло*».

«*La dernière pensée de Weber*» Варіаціи.

Варіаціи на мотивы изъ оперы «*Осада Коринѳа*».

1-й концертъ.

2-й концертъ.

3-й концертъ.

4-й концертъ.

5-й концертъ.

Фантазія на мотивы «*Lucia di Lamermoor*».

» » » «*Les diamants de la couronne.*»

» » » «*L'Ambassadrice.*»

» » » «*Puritane.*»

и проч. и проч. и проч.

Что касается его игры, она такъ же граціозна какъ и его произведенія, блестящая, и хотя у него нѣтъ столько эпергиі сколько у *Мошелеса* и *Гуммеля*, но зато въ игрѣ ихъ не доставало того изящества, («*cette finesse d'élégance*») которымъ отличается *Герцъ*. Замѣчательный этотъ артистъ былъ извѣстенъ еще въ 1820 году, и до сихъ поръ его слава не уменьшилась, а можно сказать *двинулась впередъ*; даже въ это время когда я пишу эту статью, парижскія газеты переполнены похвалами, которыя по справедливости отдають артисту, удержавшему въ продолженіе 38-ми лѣтъ свою блестящую славу, не смотря на огромное число славныхъ фортепьянистовъ, которые съ тѣхъ поръ появлялись на музыкальномъ поприщѣ въ Парижѣ, и изъ числа которыхъ, слава многихъ уже исчезла, даже ихъ имя вышло изъ памяти. *Герцъ* сдѣлалъ варіаціи піесами концертными, въ ихъ находились большія трудности для обѣихъ рукъ, пас-

сажи блестящія, граціозныя и аппикатура совершенно хороша, стиль его сочиненій легокъ, симпатичный и полонъ чувства, и производитъ на слушателей большой эффектъ, всѣ его сочиненія написаны съ акомпаниментомъ большаго оркестра, кромѣ нѣкоторыхъ фантазій послѣдняго времени.

Концерты его хотя болѣе въ романтическомъ стилѣ чѣмъ въ строго классическомъ, но все таки сочиненія заслуживающія большой похвалы.

Генрихъ Герцъ человекъ тонкаго образованія, его обращеніе премилое, онъ любимъ всѣми артистами, но самый его большой другъ былъ славный скрипачъ *Лафонъ*, который на скрипкѣ былъ другою *Герцъ*, то есть его талантъ былъ равно граціозный, блестящій и изящный; его сочиненія симпатичны и такъ милы, въ нихъ было столько прѣвучести, что всѣ слушали ихъ съ большимъ наслажденіемъ. *Герцъ* и *Лафонъ*, были два неразлучные друзья, и тоже два неразлучные артиста, какъ *Орестъ* и *Пилладъ*. Ихъ слава была нераздѣльная, ихъ успѣхи одни и тѣже, и благодаря этой дружбѣ, много прекрасныхъ *дуэтовъ* появилось въ музыкальномъ свѣтѣ, исполняемые, не только авторами съ огромнѣйшимъ успѣхомъ, но всѣми извѣстнѣйшими артистами. Я до сихъ поръ не могу забыть восторга парижской публики, когда *Герцъ* и *Лафонъ*, эти два артиста-союзники, играли своей прелестной дуэтой на мотивы «*Moïse*» или на мотивы «*La Fiancée*!»—Какое тамъ прекрасное развитіе *темъ*, какія блестящія варіаціи! какіе граціозные пассажи! а все это написано съ такимъ искусствомъ, такъ благодарно для исполнителей, такъ кокетливо, такъ граціозно и такъ эффектно для слушателей, что восторгъ доходилъ до крайности, аплодисменты и вызовы до безконечности! Но пужно, сказать, что блестящіе таланты этихъ двухъ артистовъ вполне заслуживали этотъ восторгъ, это глубокое уваженіе со стороны публики! Артисты вообще много обязаны *Герцу* и *Лафону*, потому что многие изъ насъ начали добиваться славы, играя ихъ прекрасныя сочиненія. Сочиненія этихъ двухъ славныхъ артистовъ дали возможность всѣмъ молодымъ артистамъ выказать въ полномъ блескѣ ихъ способности, и мало по малу самимъ же, по этому примѣру, испытывать свои силы передъ публикою, которая всегда готова поощрять начинающихъ артистовъ, слушать хорошо исполненныя ими сочиненія своихъ любимыхъ композиторовъ. Благодаримъ сердечно *этихъ артистовъ*, которыхъ *примѣръ*, которыхъ сочиненія, облегчили намъ дорогу на этомъ такъ трудномъ и часто неблагоприятномъ *артистическомъ поприщѣ*, на которомъ, какъ въ самыхъ строжайшихъ военныхъ сраженіяхъ, столько *музыкальныхъ солдатъ* умершихъ или тяжело раненыхъ, не достигши офицерскаго чина; а сколько идутъ въ отставку, а какъ мало которые добились генеральскаго чина! Музыкальныхъ фельдмаршаловъ можно очень легко сосчитать!—ихъ очень мало. Сколько разъ я слышалъ въ публикѣ или въ обществѣ такихъ, которые говорятъ: «*какъ я завидую таланту такого-то или такого-то артиста! вотъ счастливый человекъ!*» Не говорите этого, любезные читатели, потому что, если вы въ восторгѣ и увлечены очаровательною игрою, или сочиненіемъ того или другаго артиста, аплодируете ему, вызываете его, бросаете ему

вѣки, *букеты* можетъ быть, еслибы вы могли сверхестественною силою взглянуть въ его сердце, и въ тайны его жизни вы бы убѣдились, что въ эту же самую минуту онъ страдаетъ донельзя, что на душѣ тяготитъ *неизлечимое горе*, зависть другихъ артистовъ, которыми ненавистны талантъ его и успѣхи, и которые преслѣдуютъ его враждою, клеветою, уничтожаютъ его въ тихомолку, и причиняютъ ему горе!—Нѣтъ, любезные читатели, аплодируйте славнымъ артистамъ, вызывайте ихъ, вѣпчайте ихъ лаврами, цвѣтами, это ихъ награда за всѣ труды—но не завидуйте имъ, потому что артистическое поприще весьма трудное, огромному таланту есть всегда неотступный попутчикъ, и его зовутъ... горе.

ЗИГФРИДЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ДЕНЬ.

(Некрологъ).

Недавно скончавшійся З. В. День родился 25 февраля 1800 г., въ городѣ Алтона въ герцогствѣ Гольштейнскомъ и посѣщалъ тамошнюю школу до тринадцатилѣтняго возраста. Съ самаго ранняго дѣтства въ Зигфридѣ пробудился замѣчательный музыкальный инстинктъ, но онъ не изучалъ музыки съ намѣреніемъ сдѣлаться артистомъ и вскорѣ вступилъ въ должность смотрителя лѣсовъ и прудовъ герцогства Гольштейнскаго.

Не станемъ слѣдить за молодымъ Деномъ во время его трудной и даже опасной службы. Раненый на охотѣ Зигфридъ отказался отъ своей должности и снова занялся науками. По желанію отца, онъ ходилъ на лекціи въ Лейпцигскій университетъ и приготовлялся къ дипломатической карьерѣ. Въ 1824 году День пріѣхалъ въ Берлинъ и назначенъ былъ при шведскомъ посольствѣ. Но несчастныя обстоятельства еще разъ измѣнили его назначеніе; отецъ молодаго человѣка умеръ, потерявъ все свое состояніе и День остался безъ всякихъ средствъ. Тогда—то музыка, которую онъ изучалъ для удовольствія, сдѣлалась единственнымъ его средствомъ къ существованію. Почтенный артистъ Бернаръ Клейнъ, превосходныя качества котораго до сихъ поръ еще не довольно оцѣнены, далъ Зигфриду 18 уроковъ и бывшій дипломатъ началъ заниматься музыкой *ex professo*, посвятилъ себя исключительно преподаванію теоріи музыки и имѣлъ много учениковъ. По смерти Клейна, День сдѣлался его послѣдователемъ въ глубокомъ знаніи музыкальной литературы и теоріи. Съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ онъ изучилъ всѣ таинства этой науки и скоро занялъ первое мѣсто въ числѣ знаменитостей музыкальнаго міра; композиторы и извѣстѣйшіе исполнители слѣдовали его теоріи. Въ числѣ ихъ назовемъ незабвеннаго Глинку, изучившаго контрапунктъ подъ руководствомъ Дена и слѣдовавшаго совѣтамъ своего бывшаго преподавателя, даже въ послѣднее время.

Съ 1842 года День былъ назначенъ директоромъ Королевской музыкальной бібліотеки въ Берлинѣ; лишнимъ считаемъ исчислять услуги, оказанныя имъ въ этой должности: мѣсто Дена никогда не будетъ достойно замѣнено.

День ѣздилъ нѣсколько разъ въ Вѣну, Мюнхенъ, Венецію и другіе города Италіи; всѣ эти поѣздки были очень полезны для Королевской бібліотеки; почтенный директоръ тщательно отыскивалъ рѣдкія изданія и покупалъ манускрипты. Впродолженіе 1851, 1852 и 1854 г. ему поручено было объѣздить Бреславль, Силезію, всѣ эти поѣздки увѣщались полнымъ успѣхомъ. Не входя подробно въ занятія Дена, скажемъ только что онъ трудился съ рѣдкимъ, неутомимымъ усердіемъ; года не утратили въ немъ благородной эпергіи. Въ тотъ день, когда съ нимъ случился апоплексическій ударъ, День по обыкновенію провелъ все утро въ бібліотекѣ. Въ числѣ многочисленнаго кортежа провожавшаго его бранные останки на кладбище, находилось нѣсколько знаменитыхъ артистовъ особенно музыкантовъ, бывшихъ его учениковъ, которые теперь сдѣлались прославленными виртуозами.

Докторъ Іосифъ сказалъ надгробную рѣчь. Пѣвчіе *Домхора* исполнили хораль и молитву Мендельсона. День оставилъ вдову и двухъ дѣтей.

ПОРТРЕТЪ МОЦАРТА.

Въ числѣ различныхъ портретовъ оставшихся послѣ смерти Моцарта, у вдовы его находится маленькая картина, съ которой соединяется воспоминаніе о мало извѣстномъ анекдотѣ, изъ жизни знаменитаго композитора. На этой картинѣ Моцартъ изображенъ во весь ростъ, ему было тогда восемь лѣтъ. На немъ падѣтъ атласный придворный кафтанъ, шелковые чулки и башмаки съ пряжками; съ боку виситъ маленькая шпага, подъ рукою держитъ трехгольную шляпу. Лѣвой придерживаетъ онъ шпагу, волосы напудрены, свѣжее дѣтское личико прелестно улыбается; большіе черные глаза смотрятъ смѣло и весело на Божій міръ. Картина рисована искуснымъ художникомъ, происхожденіе ея слѣдующее:

Однажды маленькій Моцартъ находился въ комнатахъ императрицы Маріи-Терезіи, принимавшей большое участіе въ геніяльномъ мальчикѣ и долго игралъ на фортепiano. По окѣчаніи піесы, Моцартомъ завладѣли маленькія эрцгерцогини Каролина и Марія-Антуанета и стали рѣзвиться и бѣгать съ шалуномъ. Моцартъ скакалъ, прыгалъ, то догонялъ эрцгерцогинь, то прятался отъ нихъ и наконецъ поскользнулся на гладкомъ паркетѣ и упалъ; Каролина подбѣжала къ мальчику, захопала ручками и стала громко смѣяться надъ Моцартомъ, который со стыда и досады горько заплакалъ.

Тутъ подошла Марія Антуанета, подняла Моцарта, утерла ему слезы своимъ кружевнымъ платкомъ и стала утѣшать его разными ласками.

Прекрасные глаза Моцарта прояснились, улыбка заиграла на лицѣ, онъ взялъ за руку маленькую эрцгерцогиню и сказалъ съ важною улыбкою:

— Послушай, Антуанета, ты добрая, я па тебѣ хочу жениться.

Маленькая эрцгерцогиня очень обрадовалась словамъ своего товарища, подбѣжала въ комнату императрицы и весело вскричала:

— Мама, мама! Моцартъ хочетъ на мнѣ жениться!

— Неужели? спросила смѣясь императрица, у Моцарта вкусъ педурень, да и онъ славная партія для тебя.

Между тѣмъ Моцартъ, поспѣшвшій за Антуанетой, показался въ дверяхъ.

— Подойди, шалупъ, продолжала императрица, и скажи отчего ты хочешь жениться именно на Антуанетѣ? Мальчикъ чистосердечно взглянулъ на императрицу и поцѣловалъ протянутую ему руку.

— Сейчасъ объясню отчего, отвѣчалъ онъ непринужденно; эрцгерцогиня Каролина сама меня толкнула и когда я упалъ начала еще падомной смѣяться; Антуанетѣ стало жаль меня, у нея доброе сердце, вотъ почему я хочу жениться на Антуанетѣ.

— Все это прекрасно, милый Моцартъ, сказала великая государыня, но если ты, хочешь жениться на Антуанетѣ, то долженъ быть одѣтымъ какъ эрцгерцогъ.

Мальчикъ печально опустилъ голову и залился слезами.

— Гдѣ же мнѣ взять такія богатыя платья, какія носятъ эрцгерцоги, всхлипывалъ онъ, Антуанета должна взять меня въ томъ платьѣ, которое теперь на мнѣ.

— Пожалуй, она не захочетъ; возразила императрица. Моцартъ подбѣжалъ къ Антуанетѣ, взялъ ее за обѣ руки и спросилъ съ дѣтскою паивностью: Неправда-ли, Антуанета, ты выйдешь за меня замужъ и въ этомъ платьѣ?..

Императрица отъ души смѣялась надъ этой сценой и отпустила дѣтей снова забавляться играми.

На другой день передъ домомъ Моцарта остановился придворный экипажъ; изъ него вышелъ камергеръ и вручилъ маленькому Амедею богатый придворный костюмъ, какой носили въ то время принцы, сестрѣ его тоже дорогое платье.

Братъ и сестра поѣхали въ этихъ роскошныхъ платьяхъ въ тотъ же день ко двору.

Въ этой же одеждѣ, пожалованной императрицей, портретъ маленькаго Моцарта былъ снятъ во весь ростъ, живописцомъ, по приказанію Маріи Терезіи.

МУЗЫКА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

Г. Папьеръ напечаталъ третіе изданіе занимательной книги Оскара Кометтана, подъ названіемъ: *Три года въ Соединенныхъ Штатахъ*. Книга эта содержитъ подробное описаніе американскихъ нравовъ и обычаевъ и имѣла большой успѣхъ при первомъ своемъ появленіи.

Извлекаемъ изъ нея нѣсколько отрывковъ, касающихся музыки. Поговоривъ подробно вообще объ изящныхъ искусствахъ въ Америкѣ, г. Кометтанъ прибавляетъ, что хотя музыка и болѣе другихъ искусствъ распространена въ Соединенныхъ Штатахъ, но всетаки американцы также мало знаютъ толкъ въ музыкѣ какъ въ живописи и скульптурѣ. Кометтанъ говоритъ о Готшалкѣ, какъ о рѣдкомъ талантѣ, которымъ Америка должна-бы гордиться. Готшалкъ американецъ по рожденію, Французъ по уму, сердцу, вкусу и привычкамъ, еще ребенкомъ пріѣхалъ въ Парижъ изучать свое любимое искусство.

«Зачѣмъ ему было оставаться въ своемъ отечествѣ! говоритъ авторъ книги, куда стекаются музыкальныя посредственности со всего свѣта, что было ему дѣлать посреди людей, которые виля съ какою изумительною бѣглостью пальцы его перебѣгали по клавишамъ, хохотали во все горло и говорили молодому артисту, ударяя его по плечу: (какъ мы сами видѣли и слышали) «вотъ славное упражненіе стѣ холоду, вамъ вѣрно всегда тепло?»

«Другіе артисты удостоиваются не лучшаго приѣма въ Америкѣ, продолжаетъ г. Кометтанъ. Примѣръ тому г-жи Малибранъ, Бозио, Тедеско, Лабордъ, Даморо Чинти; всѣ эти артистки потеряли только время, а выиграла очень мало, не исключая и Альбони; она привезла въ Европу изъ Америки восемь тысячъ долларовъ, а ея антрепренеръ Мерчелль, директоръ театра въ Бродваѣ потерялъ столько-же вмѣстѣ съ ней. Поль Жульенъ, сдѣлавшійся отличнымъ скрипачемъ, впродолженіи семилѣтняго пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ не собралъ самой маленькой суммы. Я могъ бы назвать еще многихъ, которые надѣясь пріобрѣсти богатство покинули Европу, гдѣ жили въ достаткѣ, уважаемые всѣми и нашли въ Америкѣ бѣдность и горе.

«Г. С., піанистъ герцогини Монпансье, играетъ на фортепіано въ тавернахъ, Нью-Йорка, чтобъ развеселить любителей *виски*. Недавно одинъ изъ этихъ господъ подошелъ къ артисту и ради смѣху выкололъ ему глазъ ударомъ кулака.

«Чтоже касается до оперы въ Нью-Йоркѣ, она разорила всѣхъ своихъ директоровъ, начиная съ несчастнаго Палмера, который принужденъ теперь продавать въ бѣдной лавочкѣ макароны, имѣ самими приготовленные, и кончая Гаккетомъ, потерявшимъ 20 тысячъ долларовъ съ Маріо и Грязи и Пайпомъ, который въ послѣдній сезонъ, не смотря на содѣйствіе г-жи Лагранжъ и другихъ извѣстныхъ артистовъ, потерялъ 30 тысячъ долларовъ.

«Въ Америкѣ были испытаны всѣвозможныя артистическія спекуліаціи и ни одна почти не удалась.

Отважные антрепренеры пригласили прошедшій годъ знаменитаго капельмейстера Жульена на 6 мѣсяцевъ въ Соединенные Штаты. Жульенъ пріѣхалъ съ превосходнымъ оркестромъ; игралъ произведенія Моцарта, Бетховена, Мендельсона, Берліоза, Россини, Мейербера, Верди и свои сочиненія; онъ угостилъ американцевъ музыкой классической, романтической, дяволической, паникофонической даже салонной музыкой; Жульенъ заставилъ Кенига играть соло на *cornet à pistons*, Лавиня на гобоѣ, Колипе, столѣтняго старика, на флажолетѣ, Ботезини на контрабасѣ; онъ украсилъ свои концерты-прогулки изящными фонтанами изъ которыхъ било шампанское для желающихъ; цѣны за входъ на эти классическіе, романтическіе, фантастическіе и вакхическіе концерты были назначены 4 американскихъ шиллинга съ персоны (два франка, 50 сантимовъ.) и все таки публики собиралось очень немного. Соединенныя усилія Жульена, его оркестра и директоровъ не помѣшали послѣднимъ потерять въ этой сдѣлкѣ 250 тысячъ франковъ впродолженіи шести мѣсяцевъ.

А что же было съ великими піанистами?

«Въ послѣднее время Тальбергъ, царь піанистовъ, котораго игру можно сравнить съ краспорѣчьемъ Ламартина, или живописью Микеля Анжело, принужденъ былъ по волѣ распорядителя своихъ концертовъ и по равнодушію публики унизить въ высшей степени свой талантъ. Тальбергъ, могучій артистъ, изящный денди, котораго многіе европейскіе государи почтили своей дружбою, Тальбергъ увлеченный американскими спекуляторами рѣшился сдѣлаться рестораторомъ, оставаясь по прежнему виртуозомъ.

«Гордая и дѣвственная муза гармоніи, завѣсь свое лицо!» Ресторанъ удался-бы можетъ быть и безъ музыки, по для музыки необходима была помощь ресторана.

«Представителя современной музыки слушали держа цыпленка въ одной рукѣ, рюмку мадеры въ другой.

«Въ промежуткахъ черепаховога супа, копченой ветчины и компота изъ фруктовъ, прекрасныя леди восхищенные талантомъ артиста просили его повторить одну изъ его фантазій на мотивы *Моисея*, *Донъ-Жуана*, или *Фенеллы*. Скажите, какъ устоять передъ просьбами граціозныхъ гастрономовъ, кушающихъ съ такимъ аппетитомъ? Великій артистъ и не думалъ сопротивляться; улыбаясь въ чаду дыма, песущагося изъ кухни, онъ снова начиналъ играть подъ шумъ гремящихъ ножей и чокающихся стакановъ, подъ говоръ флюидовъ, звавшихъ во все горло гарсоновъ, подъ шумъ хлопающихъ шампанскихъ пробокъ, вылетающихъ съ радостью какъ-бы празднуя это малое сближеніе желудка съ умомъ, мелодіи съ бѣштексомъ.

«Но невозможно описать всѣхъ усилій бѣдныхъ артистовъ въ разныхъ городахъ Штатовъ, чтобъ восторжествовать надъ равнодушіемъ и холодностью Американцевъ, преданныхъ исключительно коммерческимъ спекуляціямъ.

«Одинъ скрипачъ вздумалъ одѣться чортомъ, привѣсилъ хвостъ и рога и сталъ играть варіаціи *Венеціанскаго карнавала*, Паганини. Кромѣ того онъ разсадилъ въ разныхъ углахъ залы музыкантовъ, которые должны были откликаться на разные звуки его скрипки.

Однако г. Кометтанъ прибавляетъ:

«Болѣе всего въ ходу въ Соединенныхъ Штатахъ музыка Верди. *Трубадуръ* произвелъ фуроръ въ Нью-Йоркѣ, въ Бостонѣ и вездѣ гдѣ пѣли его г-жа Стеффеноне, теппоръ Бришьоли, Амодіо и м-ше Вестивали.

«Если американцы когда либо полюбятъ музыку, то вся честь будетъ принадлежать Верди, произведенія котораго лежатъ на всѣхъ піано, а доликно замѣтить, что Америка производитъ болѣе фортепіанъ чѣмъ Англія вмѣстѣ съ Франціей. Подобная фабрикація кажется странной въ такой не музыкальной землѣ.

«Куда дѣваются губки въ Нью-Йоркѣ? кричалъ однажды съ заботливымъ любопытствомъ журналъ *Key West*, утверждавшій, что въ его редакцію въ Нью-Йоркѣ присылалось каждый годъ отъ тринадцати до сорока бочекъ губокъ... Въ свою очередь спрошу: куда дѣваются фортепіано въ такой немзыкальной странѣ?..»

РАСКАЗАНІЕ ДОНЪ-ЖУАНА.

(Окончаніе).

VI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, на балѣ въ *Кестео*, женихъ Риты, Валеро, внимательно слѣдилъ за двумя масками... Разговоръ ихъ по видимому сильно занималъ молодаго человѣка, онъ не отставалъ отъ нихъ ни на шагъ и сдерживалъ дыханіе, боясь проронить хотя одно слово. Маски остановились на минуту, Валеро также остановился.

— Прелестная Пакита, говорилъ шевадье ди Тавера своей дамѣ, вы злословите такъ мило, что глядя на васъ можно повѣрить клеветѣ и даже полюбить злословіе изъ любви къ вамъ!

— Какъ! вы думаете, что мои слова—клевета?

— Я знаю только, что вы остроумнѣйшая изъ женщинъ, съ лубавой улыбкой, прибавилъ шевадье, цѣлуя руку прекрасной танцовщицы.

— Какъ вы добры!.. отвѣчала Пакита съ ироніей, что дѣлать!.. этимъ только я и могу правиться!.. Вѣдь я не Рита!..

— Злая!..

— Да, я не могу равняться съ такими ловкими добродѣтелями, которыя предаются тайно любви и сбрасываютъ свои бѣлыя тюники только когда дверь хорошо затворена... съ чистыми голубками, которые воркуютъ отъ полупочи до шести часовъ утра, не дальше!.. и стараюсь сохранить свои крылошки заставляя думать, что готовы всегда возвратиться на небо!.. Надъ нами славно посмѣялись, шевадье, неправда-ли? даже король не избѣгнулъ мистификаціи... Какова эта неприступная добродѣтель!.. Этотъ ангелъ кротости и чистоты!..

— Ловка, нечего сказать!..

— Къ счастью памъ припла прекрасная мысль вмѣстѣ утѣшиться въ неудачѣ, отвѣчала насмѣшливо танцовщица. Знаете, кого мнѣ больше всѣхъ жалъ въ этой интригѣ? Бѣднаго Валеро... хорошенькаго мальчика, способнаго умереть съ отчаянія!..

— Да развѣ отъ такой бездѣлицы умирають?.. Тогда бы пришлось половинѣ рода человѣческаго поснть трауръ по другой половинѣ!..

— О мушныи, мушныи! Вы надъ всѣмъ смѣтесъ и никогда не сочувствуете страданіямъ ближняго!..

— Пакита, вы впадаете въ другую крайность!..

— И могу похвалиться состраданіемъ!.. Я вылечиваю открыто, раны нанесенныя въ темнотѣ; я осушаю слезы несчастнымъ и все таки я не стою ноги сеньоры Риты!.. О! между нами большая разница: я вхожу въ будуары на свиданіе только когда она выходитъ оттуда, такъ что мы встрѣчаемся на балконѣ отеля... Видите, шевадье, я поступаю очень человѣколюбиво если предварю бѣднаго Валеро, который простодушно надѣнетъ померанцовый вѣнокъ на дѣвственную голову своей невѣсты, на лицѣ которой еще не остыли поцѣлуй донъ-Жуана!..

— Вы правы, сеньора! проговорилъ голосъ подавленный судорожными рыданіями!..

Пакиа обернулась, но не успѣла разглядѣть Валеро. Онъ исчезъ.

VII.

Въ той же маленькой скромной комнатѣ, въ которой читатель познакомился съ Ритой, въ началѣ нашего разсказа, молодая прелестная дѣвушка съ улыбкой счастья прикалывала подвѣшечный вуаль и вѣнокъ.

Конечно читатель угадываетъ — молодая дѣвушка была Рита, послѣдница донъ-Жуана. Въ этотъ день она должна была сдѣлаться женою того, кого такъ глубоко и чисто любила. Вдругъ вошелъ Валеро, блѣдный, разстроенный.

— Такъ поздно!.. сказала молодая дѣвушка съ восхительнымъ упрекомъ и пѣжко сжала въ своихъ маленькихъ ручкахъ, руку своего жениха. Рука Валеро была горяча.

— Боже мой! прибавила она съ безпокойствомъ, вы очень взволнованы, Валеро!

— Неужели!

— Вы меня пугаете, отвѣчала Рита съ пѣжпостью.

— Не пугайтесь!.. ничего!.. я бѣжалъ слишкомъ скоро за букетомъ и запыхался, вотъ и все...

— Какіе чудесные цвѣты! вскричала Рита съ дѣтскою радостью, любуясь букетомъ.

— Они вамъ правятся?..

— Разумѣется!.. Что за вопросъ?..

— Въ такомъ случаѣ сохраните ихъ изъ любви ко мнѣ.

— О!.. Я навсегда ихъ сохраню! прошептала молодая дѣвушка.

— Позвольте мнѣ самому ихъ приколоть!..

— Приколите, отвѣчала Рита, улыбаясь отъ любви и счастья.

Валеро дрожащею рукою приколотъ свадебный букетъ къ дѣвственной груди своей невѣсты и прибавилъ:

— Отвѣчайте мнѣ откровенно, Рита, любите ли вы меня?..

Молодая дѣвушка взглянула на него съ удивленіемъ и приложивъ руку Валеро къ своему сердцу, спросила съ чувствомъ:

— Для кого же оно такъ сильно бьется?

— Кто, знаетъ! отвѣчалъ Валеро съ горькой усмѣшкой, можетъ быть ваше сердце принадлежитъ другому!

— Жестокій! вскричала Рита, страшно поблѣдивъ и упала изнеможенная, умирающая, подлѣ того же окна, у котораго нѣсколько дней тому назадъ прислушивалась съ восторгомъ и радостью къ словамъ любви, которыя ей шептывалъ Валеро.

— Да, Рита, продолжалъ молодой человѣкъ, судорожнымъ голосомъ, вы меня обманули!.. но я отомстилъ за себя!.. Ваша измѣна убила меня, и я васъ не хочу пощадить!.. Вы сказали правду, хотя и умѣете искусно обманывать: цвѣты которые я приколотъ къ вашей груди, останутся у васъ навсегда.

Рита не отвѣчала; она была уже не въ силахъ приподняться и съ трудомъ прошептала съ послѣднимъ вздохомъ:

— Валеро, я люблю тебя и прощаю!.. Да проститъ тебя Богъ и мой отецъ, донъ Жуанъ ди Монара!..

Услышавъ ужасное, по позднее признаніе своей невѣсты, Валеро страшно вскрикнулъ и упалъ на колѣни подлѣ умирающей Риты.

Въ эту минуту вошли донъ-Жуанъ и Тіо Аріета. Они рѣшились открыть будущему мужу Риты тайну, известную уже нашимъ читателямъ. Молодой человѣкъ быстро вскочилъ, бросился къ нимъ на встрѣчу и указывая на бездыханное тѣло бѣдной дѣвушки, прибавилъ тихо:

— Не шумите; она спитъ!..

Рита была мертва; цвѣты приколотые къ ея груди были отравлены!.. Валеро сошелъ съ ума!..

На другой день, донъ Жуанъ раскаялся, отказался отъ всѣхъ удовольствій свѣта и отдалъ свое богатство въ пользу монастырей и богоугодныхъ заведеній. Но Тіо Аріета былъ забытъ въ этомъ христіанскомъ исправленіи и умеръ съ голоду на своемъ старомъ плацѣ, служившимъ ему постелью и вмѣстѣ одеждой.

Конецъ.

ПЕРЕПИСКА ШИЛЛЕРА

СО СВОЕЮ НЕВѢСТОЙ.

(Продолженіе.)

ШАРЛОТА КЪ ШИЛЛЕРУ.

«Здравствуй, мой милый другъ. Черезъ двѣ недѣли, а можетъ и раньше, я надѣюсь увидѣться съ тобою. Впрочемъ разлуки нѣтъ для двухъ любящихъ сердецъ. Я живо чувствую, что ты всегда подлѣ меня, и эта мысль, при твоёмъ видимомъ отсутствіи, перѣдко меня поражаетъ. Да, мой милый, мы счастливы твоею любовью; ты любишь истинно и постоянно. Чувство истинной любви также безсмертно, какъ наше духовное существованіе. Мнѣ очень пріятно вспоминать нашу жизнь въ Д..., особенно съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что тебѣ известны мои чувства. Счастливая тобою, я забываю весь міръ. И теперь, я воислѣдствіи, памъ никогда не будетъ нужды въ существованіи вѣшнлаго міра; обогащаемый твоимъ духомъ, духъ мой всегда будетъ слѣдовать за тобою; въ сердцахъ нашихъ всегда будетъ цвѣсти весна любви—чистой, небесной. Какая прелестная будущность! Я пламенно желаю увидѣть тебя и прижать къ своему сердцу. Доброї почы.»

ШИЛЛЕРЪ КЪ ШАРЛОТѢ.

«Какъ длинно тянется время, когда я не получаю вашихъ писемъ. Какое ненасытное существо—человѣкъ! Теперь, когда я получаю отъ васъ письма два раза въ недѣлю, или даже четырьѣ раза, такъ какъ мои письма къ вамъ доставляютъ мнѣ почти такое же наслажденіе, какъ и ваши, потому что я живо представляю васъ подлѣ себя,—я не болѣе доволенъ, чѣмъ тогда, когда вы писали ко мнѣ всего разъ въ недѣлю. Я думаю, что еслибы я получалъ отъ васъ письма каждый день, мнѣ захотѣлось-бы получать ихъ каждый часъ, каждую минуту, пока наконецъ мои желанія сдѣлали бы излишнимъ всякую переписку. У меня нѣтъ болѣе счастливыхъ минутъ какъ тѣ, когда я пишу къ вамъ, или читаю ваши письма.»

«Третьяго дня вечеромъ я не могъ воспротивиться же-

лавію—пробѣжать ваши прошлогоднія записочки и письма. Какъ ясно напомнили онѣ мнѣ мое тогдашнее положеніе, особенно то время, когда я боролся съ самимъ собою, когда я не осмѣливался открыть вамъ тайну моего сердца.

«Вы всегда угадывали состояніе моей души; между тѣмъ многія изъ этихъ писемъ такъ холодны, такъ обдуманно написаны! Когда я ихъ читалъ, мнѣ казалось, что я ихъ только-что получилъ. Меня смущала даже мысль что когда-то мы были дальше другъ-отъ-друга чѣмъ теперь! Необходимо чтобы любовь и въ прошедшемъ, какъ и впереди себя, видѣла одну вѣчность. Есть и такія, въ которыхъ вы говорите о разлукѣ. Неужели это было возможно. Какъ добрый вашъ геній не остановилъ вашей руки, когда вы писали это слово! Разлука!—Я не вижу другой, какъ та, которая отдѣлитъ насъ отъ всего и слѣдовательно отъ всякаго воспоминанія. Вся моя жизнь, земная и будущая, связана съ вашимъ существованіемъ;—потерявъ васъ, мнѣ нечего будетъ больше терять.

«Но есть въ числѣ другихъ и такія, которыя ободряли меня и доставляли огромное блаженство. Ваше прощанье въ прошедшемъ ноябрѣ произвело на меня глубокое впечатлѣніе; письмо, полученное мною при этомъ, и теперь еще заставило меня прослезиться.

«И твое тогдашнее письмо, моя добрая Каролина, глубоко тронуло меня. Ты хорошо объясняешь въ немъ перемену нашихъ отношеній. Этотъ глубокий взглядъ открылъ мнѣ твою душу и я снова сталъ надѣяться.»

«Однажды вечеромъ я пріѣхалъ къ вамъ; между тобою, Лотта, и нашею матерью была какая-то ссора,—по какому поводу, не знаю; знаю только, что ты была очень взволнована. Когда Каролина вышла изъ комнаты, я обратился къ тебѣ съ вопросомъ и ты въ первый разъ пожала мнѣ руку. Тутъ вошла Каролина, единственный разъ когда она вошла для меня не-кстати. Въ эту минуту мнѣ казалось, моя милая Лотта, что я вижу что-то въ твоихъ глазахъ; но такія минуты не повторялись.

«Я кажусь себѣ очень смѣшнымъ, потому что пишу къ вамъ, въ тоже время приготовляясь къ завтрашней лекціи. Она не будетъ отъ этого хуже: я воображаю васъ подлѣ себя и это поддерживаетъ во мнѣ хорошее расположеніе духа. Магометане при молитвѣ обращаютъ лице свое къ Меккѣ, а я заведу себѣ кафедру, на которой буду стоять лицомъ къ Рудольштадту.—Прощайте мои милыя. До скорого свиданія!

Шиллеръ.»

ШАРЛОТА КЪ ШИЛЛЕРУ.

«Мнѣ необходимо видѣться съ тобою, мой мильи, чтобы облегчить свою печаль.» (Тутъ слѣдуетъ описаніе тяжелой болѣзни одной подруги, знакомой также Шиллеру.) «И ты мой другъ, очень долго не ѣдешь къ намъ. Я готова обвинять время, которое по-видимому едва идетъ, вмѣсто того чтобы летѣть и привести тебя къ намъ, чтобы любить, утѣшать, радовать насъ твоимъ присутствіемъ.

«Я опять читала *Анахарзиса*. Попятія, которыя мы имѣемъ о греческихъ мудрецахъ, можетъ быть слишкомъ преувеличены,— не оттого-ли странно видѣть ихъ въ лицѣ повѣи-

шихъ Французовъ. Вчера я прочла одну очень-замѣчательную главу изъ сочиненій Платона. Иногда мнѣ хотѣлось, чтобы я жила въ тѣ времена;—то былъ блестящій періодъ жизни Греціи; но обдумавъ дѣло, я нахожу, что живя тогда, я менѣе сознавала бы величіе того времени, нежели теперь, когда я обращаю свои взоры въ прошедшее.

«Я никакъ не могу выбросить изъ головы, что черезъ семь дней ты будешь у меня: тогда я брошу перо, потому что, какъ ни смотри, я никогда не могу пріискать словъ для выраженія своихъ мыслей и чувствъ.»

«Я, мой мильи, также съ большимъ удовольствіемъ перечитываю твои письма; я не потеряла изъ нихъ ни одного. Можно сказать—я съ перваго письма почувствовала, что будетъ время, когда письма твои замѣнятъ мнѣ все. Посылая къ Вольцгогену своего «Допъ-Карлоса», ты приложилъ къ нему письмо, которое я взяла и сохранила до сихъ поръ. Мнѣ пріятно было имѣть что-нибудь отъ тебя. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидала воскресенья, когда ты долженъ былъ къ намъ придти. При каждомъ стукѣ дверей я говорила: это опъ, и досадовала что ты не приходишь. Не было-ли это предчувствіе? При свиданіи ты расскажешь мнѣ, что думалъ ты обо мнѣ, когда увидѣлъ меня въ первый разъ. Если я хоть немного обратила твое вниманіе, то обязана тѣмъ Каролинѣ, которая, узнавъ что ты будешь у насъ, взяла съ меня слово, что я буду разговаривать. Она всегда укоряетъ меня въ томъ, что меня нужно заставлять говорить. Я согласилась изъ одной любезности, потому что худо себя чувствовала; но какъ я рада была потомъ, что согласилась. Твой умъ показался мнѣ до-того оригинальнымъ и интереснымъ, что я можетъ быть даже слишкомъ много говорила. Какъ хорошо, что мы познакомились; шестое декабря всегда будетъ для меня дорогимъ днемъ.

«И теперь, съ какимъ отраднымъ трепетомъ сердца я ожидаю тебя. Какъ пріятно намъ будетъ вмѣстѣ проводить время и сколько новаго мы имѣемъ рассказать одинъ-другому! Удивляюсь, почему ты меня находишь холодною, меня, которая безпрестанно боялась выказать горячность своихъ чувствъ. Неужели ты только послѣ ссоры съ моею дорогою матушкою догадался, что я тебя люблю? Когда я была моложе, мнѣ всегда казалось (не знаю почему), что меня никто не можетъ полюбить? Можетъ быть оттого то я и казалась холодною, нечувствительною, осторожною, потому что я всегда старательно скрывала каждое свое чувство. Я увѣрена, что мало пайдется людей, которые любилн-бы такъ сильно и постоянно какъ я, и между тѣмъ я никакъ не умѣю выразить свои чувства. Но ты вѣдь понимаешь меня, мой добрый, дорогой, любимый другъ; не правда-ли ты чувствуешь мою любовь! Привези съ собою *Антологію*; мнѣ нравится все, что принадлежитъ тебѣ. Ты говоришь, что г-жа Кальбъ совѣтовала тебѣ перевести *Анахарзиса*. Твой умъ слишкомъ богатъ самъ-по-себѣ,—онъ не долженъ служить истолкователемъ для другихъ. Правда, ты налагаешь печать своего ума на все, что проходитъ чрезъ твои руки; все получаетъ отъ тебя болѣе прекрасныя, болѣе грандіозныя формы; все такъ-сказать облагороживается и возвышается величіемъ твоего духа; но еще

лучше, если все творение принадлежит тебѣ до самыхъ мелочей. Миѣ не правится, если ты тратишь свое дорогое время на переводы! «Доброй ночи, мой милый.

«Еще одно слово: я люблю тебя! Прощай.»

ШИЛЛЕРЪ КЪ ШАРЛОТЪ

«Еще промель одинъ день и приблизилъ время нашего свиданія! Какъ тянется время теперь и какъ быстро будетъ оно летѣть, когда мы будемъ вмѣстѣ. Какъ желалъ бы я уже жаловаться на быстротечность времени.

«Дорогая моя Каролина и ты, любовь моя, Шарлотта! Какъ измѣнилось все вокругъ меня, съ тѣхъ поръ какъ образъ вашъ слѣдуетъ за каждымъ шагомъ моей жизни. Ваша любовь окружила меня какъ-бы сіяніемъ; вся природа представляется миѣ въ какомъ-то новомъ свѣтѣ. Я только-что вернулся съ прогулки. Въ безграничномъ и свободномъ пространствѣ природы, также какъ и въ моей уединенной комнатѣ, я движусь въ одномъ и томъ-же эфирѣ, и самый прекрасный пейзажъ для меня не болѣе какъ отраженіе того-же милого образа. Никогда я не сознавалъ такъ живо, что наша свободная душа располагаетъ самую природою. Какъ мало даетъ намъ природа; она все получаетъ отъ человѣческой души. Природа плѣняетъ насъ и восхищаетъ только тѣмъ, что мы сами ей даемъ. Прелесть ея есть отраженіе внутренней прелести созерцающей ея души; мы великодушно цѣлуемъ зеркало, чарующее насъ собственнымъ нашимъ образомъ.

«Кто-бы, иначе, могъ вынести постоянное однообразие природы, ея вѣчное подражаніе самой-себѣ? Она занимаетъ разнообразіе только отъ самаго человѣка и только оттого кажется новою, что мы безпрестанно ее обновляемъ. Сколько разъ я видалъ захожденіе солнца, и сколько разъ мое воображеніе придавало ему и душу и слово, но никогда, до сихъ поръ, я не видѣлъ въ немъ моей любви.

«Между тѣмъ, высокая простота природы, въ соединеніи съ ея роскошнымъ величіемъ, всегда казалась миѣ восхитительною. Огненный шаръ, всегда одинъ и тотъ-же, проходитъ надъ нами и милліоны существъ смотрятъ на него—каждый съ своей особой точки зрѣнія; онъ можетъ даже остановиться, потому что за него движется человѣческой духъ. Такъ и все вокругъ насъ остается въ вѣчномъ покоѣ и ничто не живетъ, кромѣ нашей души. Какъ благодѣтельны это однообразие и этотъ постоянный покой природы! Когда бурныя страсти долго насъ потрясаютъ, когда мы теряемъ самихъ-себя, мы снова видимъ прежнюю природу и въ ней самихъ-себя. Въ стремленіи своемъ по жизненному пути мы новѣряемъ ей каждую нашу радость, каждое видоизмѣненіе нашего непостояннаго существа, и эти-то вклады, лишь-только мы обращаемъ къ ней, она возвращаетъ намъ неприсвоенными.

«Какъ была-бы мы несчастны, если-бы намъ, которымъ такъ необходимо сберечь воспоминаніе о прошедшихъ радостяхъ, нельзя было съ полною безопасностью вѣрять эти непрочныя сокровища нашей постоянной, неизмѣнной подругѣ, природѣ. Мы обязаны ей всею нашею личностью, ибо, если-бы завтра она предстала намъ въ другомъ видѣ, напрасно стали-бы мы искать, каковы были вчера.

«Впрочемъ я слишкомъ увлекаюсь своими мечтами. Воспоминаніе о васъ приводитъ меня ко всему, такъ какъ все приводитъ меня къ вамъ. Никогда еще я не пробѣгалъ міра мыслей такъ свободно и отважно, какъ дѣлаю это съ той поры, какъ душа моя имѣетъ собственность и не подвергается больше опасности потеряться. Какъ-бы далеко я теперь ни зашелъ, я всегда знаю найти обратный путь.

«Душа моя часто теперь бываетъ занята мыслями о нашей будущности. Жизнь наша началась. Я по прежнему

буду писать къ вамъ, хотя и знаю, что вы всегда подлѣ меня. Ты, Каролина, сядишь за фортепіано; моя миленькая Лотта работаетъ подлѣ тебя, и я вижу васъ обѣихъ въ зеркалѣ, которое виситъ прямо предо мною. Я бросаю перо, чтобъ убѣдить себя, трепетомъ вашихъ сердецъ, что вы принадлежите миѣ и ничто, ничто не въ силахъ насъ разлучить. Я просыпаюсь съ увѣренностью, что вы мои, и вечеромъ съ тою-же увѣренностью засыпаю. Счастье будетъ прерываемо только надеждою, а надежда счастьемъ, и такимъ образомъ, на крылахъ этой небесной четы, пролетитъ наша золотая жизнь.

Шиллеръ.»

(Продолженіе впрѣдъ).

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Тамберликъ заключилъ контрактъ съ Большой Парижской Оперой на три мѣсяца и будетъ получать 25 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ. Онъ начнетъ свои представленія въ мартѣ будущаго года. *Свадьба Фигаро*, наконецъ дана на Лирическомъ театрѣ. Прекрасная опера Моцарта не была представлена въ Парижѣ уже двадцать лѣтъ. Въ 1838 году дирекція итальянскаго театра, въ первый разъ великолѣпно оставила на сцену произведеніе знаменитаго композитора, составившаго изъ прекрасной комедіи Бомарше оперу, безсмертную въ музыкальныхъ лѣтописяхъ. Главныя роли тогда исполняли великіе пѣвцы, въ полномъ блескѣ своего таланта. Тамбурины занималъ роль графа Альмавивы, Лаблашъ—Фигаро; Персіяни—роль графини, Гризи—Сусанны. Нынче опера Моцарта перешла на Лирической театрѣ и была исполнена на французскомъ, а не на итальянскомъ языкѣ, но съ большимъ ансамблемъ. Особенно въ женскихъ роляхъ отличились г-жи: Дюпре—графиня; Югальдъ—Сусанна, Міоланъ—Карвалло, пажъ—Херубино. На прочихъ парижскихъ театрахъ мало новостей, но все же новости кое какия есть, потому что Парижъ не можетъ жить безъ новаго. Г. Артуръ де Бопланъ отдалъ комедію въ пяти дѣйствіяхъ на театрѣ Одеона. Она называется *l'École des ménages* и по искусной завязкѣ и нравственной пѣли могла бы быть дана въ болѣе благоприятное время для новыхъ пьесъ, а не въ жаркіе майскіе дни, когда въ театрахъ царствуетъ рѣшительно пустота. Сюжетъ комедіи не новъ. Негоціантъ Дюбюиссонъ живетъ счастливо съ своей женой и прелестною дочерью Эммой, и намѣренъ выдать дочь за Адріана, своего компаніона въ торговыхъ дѣлахъ, живущаго въ одномъ съ нимъ домѣ. Но Адріанъ не можетъ жениться на Эммѣ, потому что уже 10 лѣтъ какъ въ связи съ ея матерью. Эмма любитъ тайно Адріана и признается въ томъ матери. Эта сцена лучшая въ пьесѣ; страданія преступной матери, при мысли что она уничтожаетъ счастье своей дочери, невыразимы. Дюбюиссонъ неожиданно узнаетъ связь жены съ своимъ другомъ (10 лѣтъ ничего не видалъ и не подозрѣвалъ!) хочетъ убить Адріана, но пѣжный голосъ Эммы останавливаетъ его, Эмма любитъ Адріана и не переживетъ его. Дюбюиссонъ приказываетъ женѣ осушить слезы, а Адріану даетъ какое то порученіе и изгоняетъ навсегда недостойнаго друга, разстроившаго семейное его счастье. Повторяемъ, пьеса ведена искусно, написана хорошими стихами, только одна несообразность слишкомъ рѣзко проглядываетъ въ комедіи. Какъ впродолженіи 10 лѣтъ Дюбюиссонъ не догадался о связи своей жены, а узналъ это только въ самую критическую минуту, ради эффекта?—Театръ *Ambigu Comique* возобновилъ драму *Белвенуто Челлини*, для Мелинга, поступившаго снова на этотъ театрѣ. Водевиль приготовляетъ новую пьесу Эмида Ожье:

les Lionnes pauvres, а на театрѣ Folies Dramatiques появилась очень недурная драма-водевиль, Людовика Галеви: *Rose et Rosette*, доказывающая впрочемъ уже не въ первый разъ, что и бездушныя Камелии способны любить пламенно и безкорыстно и даже продать свою мебель для любимаго челоуѣка. Прибавивъ, что Викторъ Сежуръ пишетъ большую историческую драму XV столѣтія, подъ названіемъ: *les Grands Vasseaux*; покончимъ съ парижскими театрами и скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ музыкальныхъ пьесахъ молодаго композитора Шарля-Джона, возвратившагося изъ Россіи. Шарль-Джонъ, молодой ияинистъ съ большимъ талантомъ, не давалъ публичныхъ концертовъ, игралъ только въ частныхъ домахъ и привезъ свои новыя сочиненія въ Парижъ; изъ нихъ заслуживаютъ вниманія мазурка: *Souvenir de Saint-Petersbourg*, посвященная графинѣ Потоцкой и *Rosed'hiver, polka de salon*, посвященная княгинѣ Куракиной.

Надежда Богданова танцевала уже три раза въ Берлинѣ, въ балетѣ *Жизель*. Нечего и говорить, что наша милая танцовщица была принята съ восторгомъ, вызовамъ и букетамъ не было конца. Изъ Берлина г-жа Богданова отправится въ Ганноверъ. Изъ оперъ возобновляютъ на придворномъ Берлинскомъ театрѣ *Лодовиску*, Керубини. Въ Берлинѣ будетъ издавъ въ скоромъ времени альбомъ съ портретами всѣхъ замѣчательныхъ артистовъ, игравшихъ на Берлинской сценѣ, начиная съ Ифланда до нынѣшняго времени.

У вѣнскихъ издателей Ерейтккофа и Гертеля недавно появилась въ продажѣ: *Систематическая метода къ изученію музыки и фортепьянной игры*, въ двухъ томахъ, сочиненіе кенигсбергскаго музыкальнаго критика, Лудвига Келлера. Сочинитель этой книги жилъ 4 года въ Вѣнѣ и изучалъ музыку подъ руководствомъ Зейфрида и Зехтера. Въ то же время Келлеръ написалъ музыку къ Эврипидовой *Элены*; она исполнена на Вѣнскомъ театрѣ подъ управленіемъ капельмейстера Гольтея. Литольфъ пишетъ новую оперу, на текстъ Лефебра. Она будетъ называться: *Послѣдніе дни Толедо*. Парижскій танцовщикъ Сень-Леонъ возвратился изъ Венеціи въ Вѣну и поставилъ на Вѣнскую сцену свой балетъ: *Мраморную красавицу*. Сень-Леонъ ангажированъ на императорскій театръ на три мѣсяца, какъ балетмейстеръ и танцовщикъ.

Віардо гоститъ теперь въ Дрезденѣ и пѣла два раза въ *Севильскомъ цирюльничѣ*. Знаменитая пѣвица совершаетъ уже второе артистическое путешествіе по Германіи въ нынѣшнемъ году и потомъ отправится на лѣто въ Лондонъ.

Придворный виртембергскій капельмейстеръ Кюкенъ получилъ отъ короля Прусскаго золотую медаль за посвященіе его величеству хора своего сочиненія: *Auf dem Rhein*.

Листъ возвратился послѣ двухмѣсячнаго отсутствія въ Веймаръ. Его многочисленные друзья и ученики устроили ему сюрпризъ. Только что онъ вошелъ въ домъ, раздалась певидимая музыка его хора: *An die Künstler* и его окружили лицетворенныя въ живыхъ группахъ всѣ его симфоніи и музыкальныя произведенія. Съ правой стороны находились его *Фаустъ*, *Гретхенъ* и *Мефистофель*; слѣва *Дантъ*, *Франческа* и *Паоло*. Прямо на встрѣчу явились его *Идеалы*, а по бокамъ *Прометей* и *Орфей*. Четвертую группу составляли *Мазеппа*, *битва Гуиновъ (Атила)* и Гунгарія; пятую — Иродіада *Bergsymphonie (Анахоретъ)* и *Гамлетъ*. Когда хоръ замолкъ, Корнелиусъ обратился къ знаменитому артисту съ небольшою рѣчью отъ имени всѣхъ его произведеній въ лицахъ. Въ тотъ вечеръ музыкальное общество Веймарскихъ артистовъ дало въ честь его ужинъ. — Дѣятельность Листа изумительна, на другой же день онъ дирижировалъ въ придворномъ концертѣ по случаю пріѣзда эрцгерцога Стефана, в. герцога Баденскаго съ в. герцогиней Баденской.

Въ Краковѣ гоститъ новая труппа пѣвцовъ довольно

удачно составленная. Главныя лица ея: сеньора Маскети, сеньоръ Камбоджи и сеньоръ Джіордини съ театровъ Милана, Верона и *Фениче* въ Венеціи. — Леопольдъ Мейеръ также давалъ нѣсколько концертовъ въ Краковѣ при многочисленномъ стеченіи избранной публики. Талантъ знаменитаго виртуоза достаточно ручается за успѣхъ всюду гдѣ бы онъ ни игралъ.

Лондонскіе журналы продолжаютъ восхвалять вѣнскую пѣвицу г-жу Титъенсъ; успѣхъ ея въ *Гугенотахъ* былъ огромный, но еще болѣе возбудила она восторгъ въ роли *Леоноры въ Трубадурѣ*, Джульетты въ роли *Матрико* и Альбони въ роли *Асучены* по-прежнему превосходны. Пикколомини производить, по-примѣру прошлыхъ годовъ, фуроръ въ *Травиатѣ* и *Дочери полка*. Ковентгарденскій театръ открылъ наконецъ свои двери; ни одного пустаго мѣста не осталось для этого торжественнаго дня. Публика приняла живое участіе въ борьбѣ Гея съ своимъ грознымъ соперкомъ Лумлеемъ и раздѣлилась на партіи. Кромѣ того общее любопытство было возбуждено видомъ этого огромнаго театра, возникшаго изъ развалинъ въ шесть мѣсяцевъ, и надъ украшеніемъ котораго еще наканунѣ трудились мѣриады рабочихъ. Видъ залы великолѣпный, сцена обширна и глубока. Ложи высоки и также обширны; ихъ всѣхъ числомъ до 120; партеръ не очень великъ, за то мѣсть въ оркестрѣ (*stalles d'orchestre*) 300. Вообще Ковентгарденскій театръ можетъ считаться теперь лучшимъ въ Европѣ. *Гугеноты* были даны для открытія, составъ труппы Гея мы уже исчислили въ одномъ изъ номеровъ нашего вѣстника. Вообще нынѣшній лѣтній сезонъ въ Лондонѣ будетъ изъ самыхъ блестящихъ. На дняхъ пріѣхала въ Лондонъ замѣчательная піанистка г-жа Чарвади, урожденная Вильгельмина Клаузъ.

Процессъ Верди съ импресарио театра *Санъ-Карло*, въ Неаполѣ окончился миролюбиво, Верди пріѣдетъ въ Неаполь и поставитъ на тамошнюю сцену свою оперу: *Симонъ Боканегра*. За эту оперу въ Римѣ Верди получалъ 5 тысячъ піастровъ а издатель Рикорди 1500 піастровъ. Верди рѣшительно завладѣлъ всѣмъ репертуаромъ и нѣтъ ни одного города въ Италіи, гдѣ бы не давали какую-нибудь изъ его оперъ. Да и то сказать, число современныхъ композиторовъ слишкомъ ограничено; исключивъ Россини и Мейербергера, (оба давно уже не пишутъ ничего поваго) и умершихъ Беллини и Доницети, остаются только Пачини, Меркаданте и Верди. Есть правда въ Италіи много молодыхъ людей, пробующихъ свои силы на музыкальномъ поприщѣ, но опыты ихъ почти всегда не удаются и обыкновенно послѣ перваго представленія не являются болѣе на сценѣ. Недостатокъ хорошихъ композиторовъ происходитъ отъ малаго изученія музыки въ Италіи, исключая Неаполя, гдѣ Меркаданте тщательно трудится для образованія артистовъ, вообще нѣтъ хорошихъ музыкальныхъ школъ. Съ того времени, какъ Россини замолкъ и лѣнится писать, а Беллини умеръ, явилось много неизвѣстныхъ композиторовъ, нашедшихъ всетаки своихъ издателей. Эти юные композиторы пишутъ обыкновенно свои первыя оперы непременно на историческій сюжетъ, начиная съ Иерусалима до Шотландіи, отъ Гренады до Сюлли, отъ Васко ди Гама до Роберта Брюса, отъ Карла Великаго до мадемаузель Лавальеръ, всѣ земли, столѣтія, историческіе эпизоды и романы служили неисчерпаемою темою для такъ-называемыхъ трагическихъ оперъ. Верди одинъ чего не набралъ для своихъ оперъ, начиная съ Вѣтхаго Завѣта, какъ *Навохудонсоръ*, до *Date aux Camelias*, Дюма, послужившей либретто къ его *Травиатѣ*.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

издаваемые и продающиеся въ магазинѣ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

бывшаго П. Кеца, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ.

Pour le Piano seul.

(Для одного фортепiano въ двѣ руки).

AULANGNIER. Récreations enfantines sur la Stranière et l'Elisire d'Amore. op. 39	75
» Récreations enfantines sur des thèmes des Opéras: Norma et Montecchi ed i Capuletti	75
* AUMANN. Polonaise en Rondeau	50
BADARZEWSKA. Prière d'une vierge	50
BARANOWSKA (née Badarzewka). Mazourka	50
BATAILLE DE PRAGUE. Pièce caractéristique	60
BEETHOVEN, A. van. Sonate pathétique op. 13	1 15
» Sonate avec la marche funèbre. (As-dur) op. 26	1 15
» Sonata quasi fantasia (Cis-moll) op. 27 N. 2	1 15
» Sonata (D-moll) op. 31 N. 2	1 43
» Andante N. 35	85
BERTINI. La Gentille Fermière. Pastoralle	60
BEYER, F. Bouquet de mélodies. Lucia	85
» » » Le Désert	85
» » » Robert le Diable	85
» » » Norma	85
» » » Somnambula	85
» » » Huguenots	85
» » » Puritani	85
» » » Siège de Gand	85
» » » Othello	85
» » » Don Juan	85
» » » Rigoletto	85
» » » Lucrezia Borgia	85
» » » Barbier de Seville	85
» » » Martha	85
» Kriegerslust, Marche de Gung'l, op. 80 N. 1	60
» Ach wenn du wärest mein eigen, op. 80 N. 3	75
» Le Premier Debut. 24 Récréations instructives sur des airs populaires, en Rondo et Variations. op. 83. Suite 1	1 —
» Le Premier Debut. op. 83, Suite 2	1 —
» Le Premier Debut. op. 83, Suite 3	1 —
» Le Premier Debut. op. 83, Suite 4	1 —
» Rondo sur l'air russe «Тройка». op. 83 N. 1	50
» Rondo sur la polka russe. op. 83 N. 2	50
» Variations sur l'hymne russe. op. 83 N. 3	50
» Le Carnaval de Venise par Ernst. op. 83 N. 4	60
» Fleurs Italiennes. op. 87 N. 1. Lucia	60
» » op. 87 N. 2. Beatrice di Tenda	60
» » op. 87 N. 3. Fille du Regiment	60
» » op. 87 N. 4. I Puritani	60

	Серебрянъ Р. К.
» » op. 87 N. 5. I Lombardi	60
» » op. 87 N. 6. Othello	60
» » op. 87 N. 7. Norma	60
» » op. 87 N. 8. Belisario	60
» » op. 87 N. 9. Nobucodonosor	60
» » op. 87 N. 10. Le Barbier de Seville	60
» » op. 87 N. 11. Ernani	60
» » op. 87 N. 12. Guillaume Tell	60
» Irene und Agathe. op. 90 N. 3	70
» Maurisches Ständchen. op. 90 N. 4	70
» Fantasie sur la «Fille du Régiment», op. 94	1 —
* BLANKMEISTER. La Passionnée. Impromptu	60
BLUMENTHAL. La Source	75
* BULHAKOW. Tarantelle	85
BURGMÜLLER, Fr. Rondo sur l'Elisire d'amore. op. 28	75
» Heures de loisir. Mélodies favorites. op. 35 N. 1	1 —
» Une fleur sur son passage. Grande Valse brillante op. 46	80
» Trois divertissement sur Lucia di Lammermoor. op. 54 N° 1, 2, 3, chaque	85
» Variations sur l'opera: Xacarilla, op. 62 N° 1.	85
» Bolero d° d° op. 62 N° 2	75
» Rondeau brillant d° op. 62 N° 3	85
» Pensée expressives, op. 73 N. 1, 2. ch.	1 —
» Fantasie brillante sur Ernani, op. 92	85
» Ma Brunette. Fantaisie-Polka op. 93.	60
» Ta main. Fantaisie-Valse, op. 93. N. 2	75
» 12 Leçons et trois préludes très faciles et agréable	75
» Катильонъ-Полька. (Polca-Cotillon)	60
CHAULIEU. Air italien: Il segreto de l'opéra: Lucrezia Borgia, transcrit.	60
CHOPIN. F. N° 1 Quatre masurkas op. 6.	75
» 2 Cinq mazurkas op. 7	75
» 3 Deux mazurkas (Fis-mol et B-dur) de l'op. 6 et 7	60
» 4 Mazurka (E-mol) op. 7 N 3	50
» 5 Trois nocturnes op. 9.	1 —
» 6 Nocturne (E-mol) op. 9. N 2	30
» 7 Douze Grandes Etudes. op. 10 liv 1. 2. Chaque	1 50
» 7 Grand Concerto op. 11.	3 50
» 9 Nocturne (Fis-dur) op. 15. N 2.	40
» 10 Grande valse brillante op. 18.	85
» 11 Ballade op. 23.	1 40
» 12 Douze Etudes op. 25 liv 1, 2, Chaque	2 —
» 13 Etude (F-mol) op. 25 N 2.	50
» 14 Etude (A-mol) op. 25 N 11.	75

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 24 мая 1858 года. Цензоръ В. Бекетовъ.

Въ типографіи Я. Гюнсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЪ.
Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.